

ПОСЛЕДНЯЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ИСПАНИИ В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ (1863—1866)

В. И. Петухов

Борьба народов Южной Америки за политическую независимость, за утверждение суверенитета своих национальных государств была тяжелой и длительной. На протяжении не одного десятка лет после исторической битвы при Аякучо (8 декабря 1824 г.), положившей конец испанской колониальной империи в Южной Америке, мадридский двор — один из самых реакционнейших в монархической Европе — упорно не желал признавать самостоятельность южноамериканских государств и вынашивал планы реставрации господства Испании в ее бывших колониях. Он неоднократно предпринимал попытки силой оружия восстановить хотя бы некоторые из утраченных там позиций. Последней такой попыткой мадридского двора в Южной Америке была вооруженная интервенция против Перу и Чили в начале 60-х годов прошлого столетия. Республики тихоокеанского побережья ответили на интервенцию объединением своих усилий, что позволило им в результате борьбы, продолжавшейся почти три года, принудить Испанию к окончательному уходу из этого района и к признанию независимости южноамериканских государств. События, связанные с испанской интервенцией 1863—1866 гг., являясь важной вехой в истории Южной Америки. Опыт южноамериканских республик, единым фронтом выступивших против испанских интервентов, по-своему поучителен и в наши дни, когда США и другие империалистические державы наряду с «более благопристойными», неокOLONиалистскими формами грабежа и закабаления слаборазвитых стран широко пользуются также давними средствами прямого давления на них, вплоть до вооруженной интервенции.

В середине XIX в. Испания переживала глубокий кризис своей одряхлевшей экономической и политической системы. Засилье пережитков феодализма; опирающаяся на всевластный союз земельной аристократии, военщины и католической церкви деспотическая монархия, о которой К. Маркс писал, что она должна быть приравнена к азиатским формам правления¹; бесконечные междоусобицы — все это серьезно тормозило развитие капитализма в Испании и низводило ее, некогда могущественную империю, на положение отсталой страны, зависимой от других великих держав, хотя она по-прежнему старалась держаться с ними на равной ноге. Разложение династической верхушки, невообразимый хаос внутривластной борьбы, подогреваемой интригами придворной камарильи, убивали всякую надежду на стабилизацию политического положения в стране и облегчали «появление в Испании середины прошлого века кавалькады военных диктаторов, которые составляют такую характерную особенность длинного и злосчастного царствования Изабеллы II»². За 25 лет этого царствования (1843—1868 гг.) сменилось

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Революция в Испании. Статьи и корреспонденции 1854—1873. М. 1937.

² И. М. Майский. Испания. М. 1957, стр. 229.

34 правительства, а в составе правительств — 40 военных министров, 46 министров иностранных дел и 50 министров финансов.

Внешняя политика Испании в тот период представляла собой сплошную цепь авантур, которые были нужны прежде всего для расправы с нарастающей оппозицией, а также для того, чтобы отвлечь общественное мнение от острых внутренних проблем и оправдать увеличение налогов и усиление эксплуатации трудящихся. После участия, совместно с Францией, в военных операциях в Индокитае (1858 г.) и новых колониальных приобретений в результате войны в Марокко (1859—1860 гг.) мадридский двор решил активизировать свои действия в Латинской Америке. С ними он связывал грандиозные проекты возрождения былой колониальной империи. В начале 1861 г. Испания оккупировала Санто-Доминго, а затем выступила в авангарде вооруженной интервенции трех европейских держав в Мексике: ее войска первыми высадились на мексиканской территории, а в январе 1862 г. к ним присоединились английские и французские силы.

Вооруженная интервенция, однако, захлебнулась, столкнувшись с героическим сопротивлением народов Мексики и Доминиканской Республики. «Активизация политики» в Латинской Америке привела Испанию буквально на грань катастрофы как в экономическом, так и в политическом отношении. Испанцы, убедившись, что рассчитывать на успех в Мексике бессмысленно, убрались оттуда прочь уже на четвертом месяце интервенции. Но положение в Санто-Доминго оказалось еще более тяжелым. Понеся огромные жертвы и расходы, испанцы были вынуждены, хотя и много позднее (в 1865 г.), оставить эту страну и признать ее независимость. Однако прежде, чем это произошло, Испанией была предпринята еще одна авантюра — военно-морская экспедиция в Южную Америку. Первоначально эта экспедиция, а подготовка к ней началась в 1860 г., была задумана как демонстрация силы в поддержку интервенции в Санто-Доминго и Мексике. Мадридский двор намеревался на всякий случай припугнуть молодые южноамериканские республики, показав им, сколь могущественна Испания³. Однако снарядить внушительную экспедицию не удалось. Эскадра, отплывшая из Кадиса в Южную Америку в августе 1862 г., состояла лишь из четырех кораблей. Посетив Бразилию, Уругвай, Аргентину и Чили, эскадра в июле 1863 г. появилась у берегов Перу.

Командовал эскадрой адмирал Пинсон. Но фактически главным действующим лицом в последующих событиях стал состоявший при адмирале особый агент испанского правительства, Салазар-и-Масарредо, который, будучи депутатом кортесов, рассчитывал сделать карьеру на активной поддержке агрессивного курса мадридского двора. Ему-то и было поручено выяснить возможности и подготовить почву для реализации намеченного в Мадриде плана. Существо плана сводилось к тому, чтобы очередной военной авантурой отвлечь внимание возбужденного общественного мнения от провала интервенции в Мексике и нараставших затруднений в Санто-Доминго, а также пополнить королевскую казну за счет Перу. Там процветала торговля ценным сырьем — гуано, огромные залежи которого находились на островах Чинча, в 20—30 милях от перуанского побережья. Эти острова обеспечивали в те годы три четверти всех государственных доходов Перу⁴. Испанцы, надеясь на превосходство своих военно-морских сил, рассчитывали без труда оккупировать острова и, закрепившись там, воздействовать на Перу и соседние южноамериканские республики.

В порядке подготовки к интервенции в Лиму, Кальяо и другие перуанские центры были заранее засланы из Испании многочисленные

³ J. Becker. Historia de las relaciones exteriores de España. Madrid. 1924, p. 707.

⁴ W. C. Davis. The Last Conquistadores, Georgia. 1950, p. 52.

эmissары и шпионы, которые информировали Мадрид о положении в стране, занимались политическими диверсиями и устанавливали тайные контакты с влиятельными представителями местных кругов. Важное место в расчетах Мадрида отводилось связям прежде всего с крупными землевладельцами Перу, в большинстве своем испанцами по происхождению, мечтавшими о возвращении к колониальным порядкам, когда им легче было держать народ в кабале и рабском повиновении⁵. Для осуществления плана интервенции был использован так называемый «инцидент в Таламбо». Через месяц после того, как эскадра Пинсона стала на якорь в Кальяо, на хлопковой плантации в Таламбо (перуанская провинция Чикалайо) произошло столкновение между местными жителями и группой басков, прибывших туда для работы по контракту. Один баск был убит, четверо ранено. Возникло дело, которое за год прошло все судебные инстанции, вплоть до верховного трибунала Перу. Обвинения, выдвинутые испанцами, не подтверждались материалами. Инцидент легко можно было бы урегулировать, если бы испанская сторона ждала этого. Но из Мадрида консулу Испании в Лиме последовали указания заявить в самом резком тоне перуанскому правительству, что оно несет «безмерную моральную ответственность за пролитие крови иностранных подданных» и что «королевское правительство требует безотлагательного удовлетворения»⁶. Напрасно консул Перу в Мадриде заверял испанское правительство, что вопрос будет рассмотрен без задержки, что Перу в отношении Испании руководствуется добрыми намерениями и сожалеет, что до сих пор не был заключен договор двух стран о мире и дружбе. Испанцы продолжали нагнетать атмосферу и отказывались вывести свою эскадру из перуанских вод.

Салазар лично отправился в Мадрид для доклада о ходе операции и получения дальнейших указаний. 18 марта 1864 г. он снова появился в Лиме, на этот раз уже в качестве «чрезвычайного комиссара», и потребовал, чтобы правительство Перу немедленно приняло его. Салазару было заявлено, что правительство Перу готово принять его как «конфиденциального агента» королевского правительства, но не как «чрезвычайного комиссара», поскольку такой титул, напоминая о временах испанского господства в Южной Америке, когда метрополия направляла туда своих комиссаров для наведения порядка в колониях, не соответствовал общепринятым правилам сношений между суверенными государствами и в этом смысле был оскорбительным для Перу. Не вступая в дальнейшие переговоры, Салазар выехал из Лимы и на шхуне «Ковадонга» отправился на о-ва Чинча. Там уже обосновался весь экипаж испанской эскадры, так как Салазар заблаговременно дал знать Пинсону, чтобы тот заранее стянул свои силы к островам⁷. Действия разворачивались так, как это было предусмотрено сценарием, составленным в Мадриде.

Перед отъездом из Лимы Салазар направил дипломатическим представителям союзных держав меморандум, в котором, излагая претензии Испании к Перу, подчеркнул, что, «поскольку политика примирения привела лишь к обострению конфликта», наступил, как он считает, «момент, когда от дипломатических акций следует перейти к мерам более эффективным»⁸. Первой из таких мер была оккупация Чинча. Этому насильственному захвату чужой территории интервенты пытались придать видимость законности: по их заявлениям выходило, что, поскольку Испа-

⁵ J. Edwards Bello. El bombardeo de Valparaiso y su epoca. Santiago. 1965, p. 67.

⁶ Делеша государственного министра Испании Мирафлореса консулу Угарте от 9 октября 1863 г. (цит. по: J. Becker. Op. cit., pp. 710—711).

⁷ J. Becker. Op. cit., p. 716.

⁸ Ibid., p. 715.

ния не успела признать независимость Перу, она «имеет право» восстановить свою власть над всей страной или над любой ее частью⁹.

Провозглашение подобной доктрины реконквисты¹⁰ уже само по себе, даже независимо от практических акций интервентов, означало вызов всем странам Латинской Америки — бывшим колониям Испании. И они незамедлительно выступили с официальным осуждением интервенционистской доктрины. Особенно резко реагировало правительство Чили. 4 мая 1864 г. оно обратилось к правительствам других стран Америки с декларацией, в которой решительно отвергало притязания испанцев на право реконквисты и, протестуя против оккупации Чинча, заявляло, что никогда не признает иностранного контроля над этими островами. В декларации выдвигалось требование, чтобы испанское правительство безотлагательно дезавуировало действия своих представителей в Перу¹¹. Интервенты же, чтобы подкрепить свои позиции, прибегли к новой провокации. Салазар вдруг объявил себя жертвой нападения со стороны каких-то неизвестных лиц из местного населения, якобы преследовавших его во время поездки в Кальяо. «Делу» было придано, разумеется, то значение, которое отвечало целям интервенции. Перуанцам открыто угрожали расправой. Им предъявляли новые претензии, стараясь еще более обострить конфликт.

В дипломатических документах испанского правительства по этому вопросу нельзя было не увидеть серьезных противоречий, свидетельствовавших о неуклюжих попытках колонизаторов скрыть свои истинные намерения. Испанское правительство, с одной стороны, утверждало в циркуляре от 24 июня 1864 г., что оно не разделяет заявлений Пинсона и Салазара о непризнании Испанией независимости Перу и не одобряет предпринятой (якобы по инициативе только этих лиц) оккупации Чинча. С другой стороны, в указанных требованиях, которые были предъявлены Перу сразу же после рассылки циркуляра, подчеркивалось, что острова будут возвращены перуанскому правительству только после того, как оно примет нового «чрезвычайного комиссара»¹². Иными словами, предъявлением заведомо неприемлемых требований испанское правительство в действительности пыталось просто узаконить оккупацию перуанских островов.

Вооруженная интервенция Испании на перуанские острова вслед за событиями в Мексике и Санто-Доминго всколыхнула Латинскую Америку, заставив ее в полной мере оценить нависшую угрозу реставрации испанского колониального господства. Во многих странах происходили массовые демонстрации протеста против действий Испании. Толпы возмущенных латиноамериканцев осаждали испанские представительства, требуя прекращения интервенции. «Возмущение этих стран неопишимо, оно граничит с яростью», — докладывал в Мадрид посланник Испании в Чили Тавира¹³. Отражая патриотические настроения общественности, местная пресса призывала к сплочению братских народов в целях защиты независимости и территориальной целостности их государств от посягательств колониальных держав. В октябре 1864 г. в Лиме по инициативе правительства Перу был созван конгресс латиноамериканских республик, в котором приняли участие представители Перу, Чили, Боливии, Эквадора, Колумбии, Венесуэлы и Сальвадора. США было отказано

⁹ L. Caldañes. A History of Chile. 1941, p. 307.

¹⁰ В заявлениях Пинсона и Салазара был употреблен термин «reivindicación» (требование о восстановлении прав).

¹¹ M. A. Tognoli. Circular a los gobiernos de America, May 4, 1864. «Memoria... al congreso nacional de 1864». Santiago. 1864, pp. 69—72.

¹² J. Becker. Op. cit., pp. 718—720.

¹³ «Ministerio de estado. Documentos diplomaticos presentados a las Cortes, 1865». Madrid. 1865, p. 29.

в приглашении на конгресс, так как ряд латиноамериканских республик решительно возражал против этого¹⁴.

В повестке дня конгресса значились различные проблемы латиноамериканского сотрудничества, но центральное место в его работе занял вопрос об интервенции Испании в Перу. Защита суверенитета и территориальной неприкосновенности Перу от посягательств интервентов была провозглашена на конгрессе общим делом государств Латинской Америки. Еще до официального открытия конгресса его участники направили 31 октября совместную ноту адмиралу Пинсону, пытаясь убедить его прекратить незаконную оккупацию Чинча. В декабре 1864 г. Пинсона, обвиненного в недостаточно энергичном ведении дел против Перу, сменил на посту командира эскадры адмирал Пареха, который был ранее морским министром Испании и выступал одним из вдохновителей интервенции. Именно Пареха отдал Пинсону приказ ни в коем случае не возвращать Чинча и избегать всяких переговоров по этому вопросу, поскольку испанское правительство приняло решение держать острова под своим контролем до тех пор, пока Перу не удовлетворит его требования¹⁵. Этот испанский деятель по иронии судьбы сам был родом из Перу. Его отец, занимавший видное место в колониальной администрации в Лиме, был убит южноамериканскими патриотами в одном из сражений во время войны за независимость, и Пареха испытывал по отношению к южноамериканцам нечто вроде жажды кровной мести¹⁶. Мадридский двор возлагал на него особые надежды, наделил его широкими полномочиями и предоставил возможность по собственному усмотрению вести как военные операции, так, в случае необходимости, и дипломатические переговоры.

Накануне прибытия Парехи в Перу испанская эскадра понесла там серьезный урон: на фрегате «Триунфо», находившемся в бухте Писко, 25 ноября возник пожар, в результате которого корабль пришел в полную негодность. Это подняло боевой дух перуанцев: они получили некоторый перевес в силах на море и оказались теперь в состоянии нанести удар по интервентам. Конец испанского «Триунфо» (в переводе — триумф) мог в таком случае положить начало триумфу Перу. Народные массы требовали от правительства принятия решительных мер. Под воздействием настроений в народе перуанский парламент 26 ноября одобрил резолюцию, в которой президенту предлагалось немедленно потребовать от испанцев эвакуации Чинча, а правительству запрещалось заключать какие-либо соглашения с Мадридом до тех пор, пока испанцы не покинут эти острова «добровольно или в результате применения силы со стороны республики»¹⁷. Но президент Перу Песет и его правительство были настроены по-другому: они не собирались применить силу и, надеясь добиться урегулирования конфликта мирным путем, готовы были пойти на уступки. Данную позицию многие исследователи объясняют влиянием таких факторов, как общая неподготовленность Перу к войне, экономическая и военная слабость страны, острая борьба между различными политическими силами в перуанском обществе. Это все верно. Очевидно, однако, что не последнюю роль играли и тесные связи, которые издавна поддерживали с Мадридом люди из окружения Песета. Определенное значение имело также давление, оказанное на Лиму державами—союзницами Испании. Англия, в частности, выразила одобрение действиям Испании и заверила Мадрид, что использует все свое влияние для того,

¹⁴ R. W. Frazer. The Role of the Lima Congress 1863—1865 in the Development of Pan-Americanism. «Hispanic American Historical Review». Vol. 29, August 1949, № 3, p. 323.

¹⁵ P. de Novo y Colson. Historia de la guerra de España en el Pacifico. Madrid. 1882, p. 230.

¹⁶ W. C. Davis. Op. cit., p. 125.

¹⁷ Ibid., p. 119.

чтобы убедить правительство Перу не идти на военные осложнения¹⁸. Аналогичную позицию занимала Франция.

Что касается США, то они, стремясь нажать политический капитал на событиях в Южной Америке, предприняли попытку выступить в роли миротворца и предложили свои «добрые услуги», которые, как и следовало ожидать, были отклонены испанской стороной. Бросалось в глаза, что в своих заявлениях по этому вопросу Вашингтон поставил агрессора и жертву агрессии на одну доску и не только не осудил действий Испании, но позаботился прежде всего о том, чтобы подчеркнуть свое дружеское расположение к ней¹⁹. Несколько позже государственный секретарь США Сьюард в указаниях американскому послу в Мадриде Кернеру заявил: «Я полагаю, что, ввиду настойчивых обращений южноамериканских государств к нашему правительству с просьбой выразить солидарность и оказать помощь, испанское правительство, как можно надеяться, поймет, что мы действуем в духе не менее дружественном к Испании, чем к Перу»²⁰. А когда Перу после захвата испанцами Чинча обратилось к США с призывом осудить акцию интервентов и заявить, что Соединенные Штаты будут и впредь считать названные острова территорией, принадлежащей Перуанской республике, госдепартамент уклонился от этого. Он наложил также запрет на покупку перуанцами в США военных материалов и кораблей, хотя правительство Перу дало заверения, что приобретаемое вооружение будет использовано исключительно в целях обороны страны²¹. Многократные просьбы перуанских представителей пересмотреть столь недружественную позицию ни к чему не привели.

Перу могло рассчитывать лишь на поддержку со стороны братских республик Южной Америки, собравшихся на конгресс в Лиме. Однако правительство Песета не проявляло особой заинтересованности в получении такой поддержки и предпочитало маневрировать между конгрессом и командованием испанской эскадры. Оно даже не попыталось заручиться согласием стран — участниц конгресса на коллективные действия в случае провозглашения состояния войны между Испанией и Перу. Капитулянтская линия Песета и его окружения, по существу, подрывала усилия конгресса, направленные на пресечение испанской интервенции. В декабре 1864 г. участники конгресса дважды обращались к испанскому командованию с требованием эвакуировать Чинча. Но адмирал Пареха, зная о настроениях Песета и его сторонников, отказался вести переговоры с представителями конгресса, заявив, что не признает права других государств вмешиваться в вопрос, который касается де только Испании и Перу²². Песет молчаливо согласился с этим и в секретном порядке назначил своего представителя для двусторонних переговоров, хотя шестью месяцами ранее он заявлял, что не начнет никаких переговоров с испанцами, пока они не оставят Чинча. Участники конгресса были вынуждены открыто выразить свое недовольство по поводу того, что перуанское правительство не заняло более твердой позиции и оказалось не подготовленным к вооруженному отпору интервентам.

Выгодный момент для нанесения удара по испанской эскадре был упущен: Пареха вскоре получил подкрепление, которое обеспечивало ему решающее превосходство на море. Эскадра была пополнена рядом новых военных кораблей. Появление у берегов Перу мощного испанского флота убедительнее всего свидетельствовало о далеко идущих агрессивных намерениях Мадрида. Вскоре в Лиме стало известно, что генерал

¹⁸ J. Becker. Op. cit., p. 722.

¹⁹ W. C. Davis. Op. cit., p. 131.

²⁰ Ibid., p. 134.

²¹ Ibid., p. 130.

²² J. N. Hurtado. La legacion de Chile en el Peru, desde abril hasta setiembre de 1864, y el conflicto peruano-español. Santiago. 1872, pp. 267—268.

Виванко, поддерживавший тесные связи с испанцами, ведет по уполномочию перуанского правительства тайные переговоры с Парехой, причем на территории, оккупированной интервентами,— на одном из островов Чинча. Правительство Песета своими действиями как бы заявляло, что предпочитает заниматься этим вопросом самостоятельно, без вмешательства соседей. Однако на всякий случай оно продолжало поддерживать деятельность латиноамериканского конгресса. В итоге длительных дискуссий конгрессом были подготовлены проекты двух договоров: об оборонительном союзе²³ и о поддержании мира между государствами — участниками конгресса²⁴. Оба эти договора, подписанные 23 января 1865 г., отражали стремление латиноамериканских стран, проявившееся еще с начала их совместной освободительной борьбы, рассматривать себя в качестве «одной семьи, объединенной общими принципами и общими интересами в деле поддержания своей независимости, своих автономных прав и своего национального существования»²⁵. В обоих договорах было установлено, что присоединиться к ним могут лишь те государства, которым направлены приглашения на конгресс. США, таким образом, не допускались к участию в этом союзе. Несмотря на то, что непосредственным поводом к подписанию договоров служила интервенция европейской державы, в них, вопреки доктрине Монро, вовсе не упоминалось о Европе: союз латиноамериканских государств мыслился как орган совместной защиты от агрессивных посягательств со стороны любой державы, в том числе и США. Только тенденциозные североамериканские исследователи могли позже узреть нечто общее между этим латиноамериканским сотрудничеством и доктриной Монро²⁶ и вывести родословную нынешней Организации американских государств от латиноамериканских конгрессов XIX века²⁷.

Дипломатические шаги и решения конгресса в Лиме способствовали укреплению позиций южноамериканских республик, воодушевляли их на сопротивление интервентам. Испанцы же тем временем продолжали угрожать и Перу и его соседям. Переговоры между Парехой и Виванко затянулись: командование испанской эскадры выдвигало все более жесткие требования в ожидании указаний из Мадрида о переходе к решительным действиям, а правительству Песета нужно было время, чтобы подготовить общественное мнение страны к намечавшейся капитуляции. Предвидя, что эта капитуляция может привести к восстанию в стране, правительство пыталось добиться смягчения некоторых требований, особенно об уплате огромной контрибуции. Пареха, однако, не собирался пересматривать свою позицию, утверждая, что Перу якобы обязано возместить все расходы, понесенные интервентами, поскольку, дескать, длительное пребывание эскадры в Южной Америке и оккупация Чинча были вызваны отказом перуанского правительства принять «чрезвычайного комиссара» Испании и своевременно урегулировать спорные вопросы. Как говорили уязвленные в своем достоинстве перуанцы, их страну пытались низвести на положение пленника, от которого требовали оплатить стоимость цепи, брошенной на его же шею.

25 января 1865 г. испанский адмирал предъявил ультиматум, угрожая по истечении сорока восьми часов начать бомбардировку Кальяо и других перуанских портов. Песет передал требования испанцев на рассмотрение парламента, который отказался удовлетворить их. Тогда пре-

²³ Текст см. «British and Foreign State Papers». L. Vol. 58, p. 420.

²⁴ Текст см.: R. Aranda. Congress y conferencias internacionales en que ha tomado parte el Peru. Vol. I. Lima. 1909, p. 424.

²⁵ R. W. Frazer. Op. cit., p. 324.

²⁶ См., например, R. Burr, R. D. Hussey. Documents on Inter-American Cooperation. Vol. I. Philadelphia. 1955, p. 19.

²⁷ См. Б. И. Гвоздарев. Эволюция и кризис межамериканской системы. М. 1966.

зидент и его министры решили действовать вопреки воле парламента. Они снова направили своего представителя к Парехе, и 27 января на борту испанского флагмана «Вилья де Мадрид» состоялось подписание договора, по которому перуанское правительство соглашалось удовлетворить все требования интервентов. Условия договора включали следующие обязательства Перу: принять «специального комиссара» Испании для расследования инцидента в Таламбо; выразить осуждение актов насилия, которые якобы пытались совершить местные жители против испанского представителя; заключить с Испанией договор о мире, дружбе, навигации и торговле, который предусматривал бы выплату перуанским правительством возмещения испанским подданным, лишившимся своей собственности в Перу или пострадавшим иным образом в результате войны за независимость и произведенных перуанскими властями конфискаций; уплатить Испании контрибуцию в размере 3 млн. испанских золотых песо²⁸. Интервенты соглашались возвратить о-ва Чинча перуанцам только после ратификации договора и уплаты контрибуции.

Договор вызвал крайнее возмущение в стране. Тем не менее он был передан парламенту для ратификации. После нескольких дней ожесточенных дебатов парламент предпочел разойтись, не приняв никакого решения, чтобы избежать ответственности за позорный акт. Президент имел право в этом случае созвать чрезвычайную сессию парламента, но, поскольку было очевидно, что парламента все равно не согласится одобрить договор, Песет прибег к беспрецедентной мере: игнорируя конституцию, он поручил ратифицировать договор правительству, которое немедленно приняло соответствующее решение и уведомило о том испанцев. Действия правительства встретили резкую оппозицию со стороны общественных кругов страны. В народе распространялись небезосновательные слухи, что правительство капитулировало перед испанцами после того, как Песет и Виванко получили от них солидную взятку. В Лиме и Кальяо начались волнения. Между правительством и парламентом произошел ряд столкновений, которые были использованы Песетом для расправы со своими противниками. Одним из первых подвергся аресту председатель сената, бывший президент генерал Кастилья, который обвинил Песета в предательстве национальных интересов. Старого генерала отвезли тайно в Кальяо и выпроводили из Перу на военном корабле в Англию. Вице-президент Кансеко, находившийся в родстве с Кастильей, бежал из Лимы в Арекипу²⁹. По обвинению в заговоре было арестовано несколько военных и политических деятелей³⁰. Страна оказалась в состоянии глубокого кризиса. Правительство Песета держалось у власти лишь посредством репрессий и военных мер.

После того, как испанское командование добилося удовлетворения своих требований, оно решило направить очередной удар против Чили. Пареха, мечтавший о возрождении испанской колониальной империи в Южной Америке, давно вынашивал план реконквисты Чили и добивался одобрения этого плана Мадридом. Считая Чили наиболее сильной и развитой страной на тихоокеанском побережье Южной Америки, Пареха доказывал, что именно поэтому ее нужно в первую очередь поставить на колени и заставить принять требования Испании³¹. К тому же, по утверждению Парехи, Чили проявило большую враждебность к Испании, нежели Перу, и, следовательно, в большей мере «заслуживало наказания»³². Чили действительно занимало с самого начала испанской интер-

²⁸ «Peru. Ministerio de relaciones exteriores. Documentos relativos a la cuestión española». Lima. 1866, pp. 20—21.

²⁹ C. R. Markham. A History of Peru. Chicago. 1892, p. 358.

³⁰ W. C. Davis. Op. cit., p. 167.

³¹ «Pareja al Ministerio de estado, Junio 11. 1865 (España. Ministerio de estado. Documentos diplomaticos presentados a las Cortes, 1865)». Madrid. 1865, pp. 178—180.

³² Ibid., pp. 123—126.

венции позицию решительного осуждения этой авантюры Мадрида и требовало ее прекращения. Вскоре после оккупации Чинча в Сант-Яго перед зданием испанской миссии состоялась массовая демонстрация протеста. Посланник Испании Тавира потребовал принятия мер против демонстрантов, утверждая, что те пытались якобы нанести оскорбление испанскому флагу. Но в ответ министр иностранных дел Чили Коваррубиас заявил, что задевшие испанцев события вызваны их заявлениями о намерении лишить Перу части его территории. Министр подчеркнул также, что считает выражение народом своих патриотических настроений естественным и справедливым делом и что любые дипломатические представления по этому поводу несостоятельны и неприемлемы. Чилийское правительство предупредило испанцев, что не может разрешить их военным кораблям снабжаться в портах Чили углем и другими припасами, так как это способствует продолжению враждебных операций против Перу. «Это противоречило бы не только долгу Чили как доброго соседа, но и его собственным интересам, а также интересам Америки», — указывалось в чилийской ноте³³. Тавира пытался протестовать, ссылаясь, в частности, на то, что перуанские корабли свободно снабжаются в чилийских портах. Но в ответ ему было заявлено, что, поскольку Перу не находится в состоянии войны с Испанией, нет оснований лишать его корабли права на снабжение³⁴.

Еще в июне 1864 г. в Перу были отправлены две большие группы чилийских добровольцев для участия в военных действиях, которые, как предполагалось, могли возникнуть между Перу и Испанией. На протест Тавиры чилийское правительство уклончиво ответило, что отбывшие в Перу пассажиры не были вооружены и что, следовательно, не было оснований задерживать их. Тщетными оказались и попытки испанского посланника склонить чилийское правительство к принятию мер против публикации местной прессой враждебных Испании материалов. Этот вопрос был использован в дальнейшем для предъявления Испанией претензий к Чили. А пока что Пареха, как только он подписал договор с перуанским правительством, сообщил Тавире о своем намерении прибыть в Чили и в связи с этим настаивал на предъявлении чилийскому правительству требования садютовать его эскадре, выплатить возмещение за убытки, понесенные ею в связи с отказом Чили от поставок угля, и направить в Мадрид полномочного представителя, который дал бы от имени чилийского правительства удовлетворяющие Испанию объяснения по всем этим претензиям³⁵. Тавира, однако, занял другую позицию. Он понимал, что Пареха ведет дело к войне, не сулившей Испании лавров и означавшей лишь новые огромные расходы, которые, даже в случае победы, не удалось бы возместить за счет Чили. Вследствие войны пострадали бы и испанские подданные в Чили, которые могли лишиться своей собственности и влияния. Наконец, эта война восстановила бы против Испании все латиноамериканские страны и нанесла бы непоправимый ущерб долговременным интересам ее политики в Америке. Поэтому Тавира предпочел избрать линию на мирное урегулирование. Пока вопрос об интервенции в Чили не был решен Мадридом, эта линия не расходилась с указаниями, которые имелись у посланника. Опираясь на свои связи в правительственных кругах Сант-Яго, Тавира сумел договориться с чилийцами о формуле урегулирования. 16 мая ему была направлена нота, в которой правительство Чили дало объяснения по всем инцидентам, приведшим к осложнению отношений, и выразило надежду, что это послужит ликвидации «препятствий, которые могли бы затруднить восстановление сердечного взаимопонимания между двумя стра-

³³ Ibid., pp. 38—65.

³⁴ «Chile, Ministerio de relaciones exteriores. Contra-manifiesto sobre la presente guerra entre la República y España». Santiago. 1865, p. 20.

³⁵ «España, Ministerio de estado. Documentos diplomáticos», p. 122.

нами». Тавира, в свою очередь, подтвердил в ноте, что он полностью удовлетворен этими объяснениями и считает, что они «устраняют все причины недовольства, которое испытывало испанское правительство»³⁶.

Но в Мадриде произошла очередная смена кабинетов, а новое правительство решило одобрить предложение Парехи о предъявлении Чили ультиматума. И вот Тавире были направлены измененные указания, которые дошли до него как раз в момент, когда он достиг соглашения с чилийским правительством. Воспользовавшись этим, Пареха обвинил посланника в том, что тот проявил нелояльность к собственному правительству и вошел в соглашение с чилийцами уже после получения новых указаний. По настоянию Парехи, Тавира был немедленно отозван. Испанское правительство предоставило Парехе, по существу, полную свободу действий в отношении Чили. Он мог в любое время предъявить свои требования чилийскому правительству, вступить в переговоры в качестве полномочного посла Испании и в зависимости от их исхода заключить соглашение или порвать отношения с Чили, подвергнув эту страну блокаде и бомбардировкам³⁷. Волнения в Перу задержали, однако, экспедицию против Чили: испанцы опасались, что в случае их ухода из Перу правительство Песета падет и навязанный перуанцам договор будет перечеркнут. Все же Пареха не выдержал: 7 сентября 1865 г. его эскадра снялась с якоря в Кальяо и направилась в Вальпараисо. Сразу же по прибытии туда Пареха, не вступая в переговоры, направил чилийскому правительству ультиматум, который был доставлен в Сант-Яго специально 18 сентября, в день очередной годовщины независимости Чили. Сообщив, что объяснения, сделанные чилийской стороной Тавире, признаны в Мадриде неприемлемыми, Пареха потребовал представить ему объяснения, которые удовлетворили бы испанское правительство, а также отдать салют его эскадре в виде 21 пушечного залпа. На ответ чилийцам отводилось четыре дня. Пареха угрожал, что в случае отказа он порвет дипломатические отношения с Чили и прибегнет к силе.

21 сентября правительство Чили дало ответ, в котором решительно отвергало все домогательства Парехи. «Инсинуации, содержащиеся в заявлении господина Парехи, — указывал чилийский министр иностранных дел Коваррубиас, — заставляют думать, что данный ответ будет использован командующим испанской эскадрой для открытия военных действий против республики. Поэтому от имени своего правительства я здесь же заявляю в самой решительной и торжественной форме протест против таких действий, которые будут противоречить духу договора, действующего между Чили и Испанией, явятся сигналом к объявлению войны между двумя странами и будут представлять собой вопиющее злоупотребление силой. Вся тяжкая ответственность за такие действия ляжет на агрессора». Испанский адмирал повторил свои угрозы. 23 сентября Коваррубиас опять сообщил ему, что Чили не намерено идти на уступки агрессору³⁸. Тогда 24 сентября Пареха заявил о разрыве дипломатических отношений и об установлении блокады чилийских портов. В ответ Чили 25 сентября объявило Испании войну.

Блокада чилийских портов явилась, пожалуй, самым выразительным свидетельством полнейшей несостоятельности интервентов как в политическом, так и в военном отношении. Государственный министр Испании Бермудес де Кастро, направляя командующему эскадрой указания о блокаде, первоочередной целью которой он считал прекращение торговых связей Вальпараисо, вывоза угля из Лоты и меди из Кальдеры, выражал уверенность, что хватит месячной блокады, чтобы принудить Чили принять требования. Фактически же попытка семью кораблями заблокировать более сорока портов была заведомо обречена на провал.

³⁶ Ibid., pp. 169—176.

³⁷ Ibid., pp. 204—206.

³⁸ Ibid., pp. 224—237.

Отдаленность баз, с которых приходилось действовать эскадре; трудности со снабжением ее углем и провиантом; утомленность экипажей, находившихся в плавании уже более трех лет и в своей массе утративших боевой дух; отсутствие условий для высадки десанта и ведения операций на суше — все это ставило интервентов в труднейшее положение, которое только усугублялось объявлением блокады. От нее должны были пострадать не столько чилийцы, сколько сами испанцы. Так и произошло в действительности.

На первых порах интервентам удалось парализовать деятельность финансовых и коммерческих, в основном иностранных, фирм, что привело к нарушению денежного обращения в стране и сокращению ее торгового оборота. Но в результате энергичных мер, принятых чилийским правительством (одной из них явилось открытие для иностранных судов 38 небольших портов с освобождением ввозимых и вывозимых через них товаров от таможенных сборов), а также благодаря обнаружившейся вскоре неэффективности блокады прежнее положение было быстро восстановлено. Испанское командование через два с половиной месяца было вынуждено ограничиться блокадой лишь двух портов — Вальпараисо и Кальдеры. 10 января 1866 г. оно объявило о снятии блокады и с Кальдеры, так как испанская эскадра столкнулась с возросшей активностью чилийцев на море. Именно там решался исход войны. Испанцы обладали подавляющим превосходством: их мощным по тому времени кораблям, на вооружении которых находилось в общей сложности 207 пушек, вначале противостояли лишь два небольших и слабо вооруженных корабля Чили — корвет «Эсмеральда» с 18 пушками и пароход «Майпу» с четырьмя пушками³⁹. Чилийское правительство направляло все усилия к тому, чтобы изменить неблагоприятное для него соотношение сил, увеличить и укрепить свой флот.

Прежде всего были приняты меры к мобилизации средств на оборону. Парламент предоставил правительству право на получение за границей займа в размере 20 млн. долларов. Президент получил неограниченные полномочия по набору войск, приобретению судов и вооружения. В ряд стран были направлены эмиссары для получения кредитов, покупки военных материалов и судов. Чилийское правительство развило также активную политическую и дипломатическую деятельность с целью привлечь на свою сторону другие южноамериканские государства. Оно предупреждало их, что вооруженная интервенция против Чили является частью большого плана, рассчитанного на реконкисту Испанией ее бывших колоний, и что южноамериканские страны во имя собственных национальных интересов, а также принципа континентального сотрудничества должны присоединиться к Чили в целях окончательного изгнания Испании с континента. Усилия Чили увенчались успехом, ибо семена солидарности и взаимоподдержки, посеянные конгрессом в Лиме, стали давать благодатные всходы.

Первостепенное значение чилийское правительство придавало заключению союза с Перу, которое располагало относительно большим флотом и могло оказать существенную поддержку Чили. Сразу же после объявления войны Испании в Лиму поехал специальным уполномоченным видный чилийский политический деятель Санта-Мария, который должен был договориться о заключении союза и объединении флотов Чили и Перу или же о продаже перуанцами своих военных кораблей чилийцам⁴⁰. Правительство Песета отклонило эти предложения. Тогда эмиссар Чили установил контакт с полковником Прадо, руководителем антиправительственного движения в Южном Перу, которое в то время принимало все более широкий размах. Прадо и его сподвижники про-

³⁹ R. Burr. *By Reason or Force*. Los-Angeles. 1965, p. 98.

⁴⁰ D. Santa-Maria. *Memorias politicas, 1865—1867*. «Revista Chilena de historia y geografia». F. LXIV, enero-marzo de 1930, № 68, p. 6.

явили себя горячими поборниками дела межамериканского сотрудничества и выразили готовность в случае успеха движения и прихода к власти объявить войну Испании и направить перуанский флот на помощь. Еще 6 ноября 1865 г. Прадо вступил в Лиму, а Песет бежал в Англию. 5 декабря перуанское правительство во главе с Прадо подписало договор о наступательном и оборонительном союзе с Чили. После ратификации этого договора обеими сторонами Перу 14 января 1866 г. объявило войну Испании. Четыре перуанских корабля, вооруженные 90 пушками, тотчас были переданы в распоряжение Чили. Порты Перу оказались закрытыми для испанской эскадры.

Эквадор и Боливия поддержали своих соседей и также объявили войну Испании (соответственно — 27 февраля и 11 апреля 1866 г.). Хотя эти страны ввиду отсутствия у них флота не могли оказать помощи союзникам на море, Испании теперь противостоял общий фронт четырех республик. Все порты на протяжении 4 тыс. миль тихоокеанского побережья Южной Америки были закрыты для интервентов, что создало для них большие трудности в снабжении своей эскадры. Основную тяжесть борьбы несло Чили. В первые же месяцы войны оно нанесло испанцам ряд ощутимых ударов, имевших большой морально-политический эффект и способствовавших достижению соглашения о союзе с соседними республиками. Расчеты испанского командования на быструю капитуляцию Чили потерпели полный провал. Попытки настичь в море чилийские корабли и потопить их не имели успеха. Еще 26 ноября 1865 г. чилийцам удалось захватить испанскую шхуну «Ковадонга», которая вскоре приняла участие в военных операциях уже под флагом Чили. Захват «Ковадонги» вызвал ликование в стране. Он был воспринят как первый значительный успех, предвещавший победу над врагом.

Настроение у чилийцев еще более поднялось, когда стало известно о самоубийстве Парехи. Командующий испанской эскадрой оказался в безвыходном положении. Его преследовали сплошные неудачи. Падение правительства Песета в Лиме перечеркнуло подписанное с ним соглашение. Это свело на нет результаты интервенции в Перу. Поставить чилийцев на колени оказалось невозможным. В его эскадре начались волнения. Ко всему этому — позорная потеря корабля. Адмирал предпочел уйти от ответственности и застрелиться в своей каюте на «Вилья де Мадрид», оставив завещание, в котором признавал, что нападение на Чили было ошибкой с его стороны. Обращаясь к испанскому правительству, он писал, что необходимо воспользоваться первой же возможностью для заключения мира⁴¹. Командование эскадрой было возложено на Мендеса Нуньеса, командира фрегата «Нумансиа». Он склонен был искать пути к урегулированию конфликта, но из Мадрида последовали указания иного характера. В Испании началась истерия шовинизма. Пропаганда кровавого отмщения охватила испанскую прессу, которая требовала направить в Южную Америку более мощный флот и нанести сокрушительный удар по Чили и Перу. «Война насмерть!» — неистовствовали потомки конкистадоров; «лучше со славой погибнуть во вражеских водах, чем возвратиться в Испанию опозоренными и обесчещенными», — вторил им государственный министр Бермудес де Кастро в указаниях новому командующему эскадрой⁴².

Тогда Нуньес предпринял попытку расправиться с теми несколькими суденышками, которыми располагало Чили и которые маневрировали вдоль побережья, избегая при этом столкновения с эскадрой. Испанские корабли долго выискивали объект добычи. В конце 1865 г. не-

⁴¹ Обстоятельства самоубийства Парехи описаны в донесении посланника США Нельсона госсекретарю Сьюарду от 31 декабря 1865 г. («Congress of the United States. House of the Representatives. Executive documents, the 39th Congress, 2nd session, 1766—1867» (далее — HRED). Vol. I. Part 2, p. 366).

⁴² J. E. Bello. Op. cit., p. 126.

сколько катеров с фрегатов «Нумансиа» и «Беренгуэла» вторглись в бухту Кальдерилья и захватили стоявшее там на якоре паровое судно, но еще не успели вывести его в море, как подоспевший чилийский отряд напал на испанцев. Потеряв в стычке несколько человек, последние должны были бросить трофей и спастись бегством. В феврале 1866 г. испанцам удалось выследить чилийско-перуанскую эскадру, укрывшуюся в бухте у острова Абтао, неподалеку от Чилоэ. Когда фрегаты «Вилья де Мадрид» и «Бланка» подошли к острову, из четырех кораблей объединенной эскадры одна лишь «Ковадонга» была в состоянии передвигаться, а другие корабли стояли на капитальном ремонте, и часть их машин была переправлена на берег. Чилийцы и перуанцы первыми открыли огонь. Испанцы попытались сблизиться с противником, но мелководье преградило им путь. «Бланка» села на мель, оказалась под артиллерийским обстрелом с близкой дистанции, сильно пострадала и едва спаслась. С большими повреждениями был вынужден отойти и «Вилья де Мадрид». Бой закончился, по существу, поражением испанцев.

После ремонта своих кораблей Нуньес решил совершить новое нападение на Абтао, рассчитывая атаковать чилийско-перуанскую эскадру. Но ее там уже не оказалось. Испанцы стали на якорь в узком канале у Тубильды, где неожиданно подверглись удару со стороны чилийских войск, находившихся в засаде на берегу. Интервенты опять отошли, понеся потери. Вскоре они обнаружили чилийско-перуанскую эскадру в районе Чилоэ, но ее позиции были неуязвимы: она стояла на якоре в бухте, вход в которую прикрывали мощные береговые батареи, а подходы были недостаточно глубоки для крупных испанских кораблей. Простояв несколько дней возле бухты, испанцы убрались восвояси.

Убедившись в тщетности попыток разгромить чилийцев и перуанцев на море, интервенты прибегли к мере, которая, несмотря на всю ее очевидную нелепость и варварскую жестокость, должна была, по их представлению, загладить неудачи и возместить потери: в марте 1866 г. Мадрид отдал Нуньесу приказ о бомбардировке портов противника. Этот приказ исполнили иностранные компании, в руках которых находилось большинство торговых, финансовых и промышленных предприятий Чили и Перу. Еще в сентябре 1865 г., когда испанцы установили блокаду чилийских портов, иностранные компании, терпевшие из-за блокады значительные убытки, начали требовать от своих правительств вмешательства и оказания воздействия на Мадрид. Именно интересы этих компаний лежали в основе дипломатической активности, которую развили правительства Англии, Франции, США и Пруссии через своих представителей в Мадриде и Сант-Яго. В их намерение не входило осуждение агрессора или оказание поддержки его жертве. Напротив, их проекты урегулирования учитывали прежде всего требования Испании. Так, правительства Англии и Франции в совместном меморандуме от 2 декабря 1865 г., излагая свои условия урегулирования, предложили, чтобы Чили заявило, что оно «не имело намерения нанести оскорбления Испании, честь и достоинство которой оно уважает», и что оно готово первым салютовать испанскому флагу. Такого рода предложения, как указывал министр иностранных дел Перу, представляли собой попытку принудить Чили к соглашению ради чужих интересов⁴³.

В этой связи следует особо остановиться на позиции и роли США в конфликте. Хотя их экономические интересы в Южной Америке были в то время еще незначительными, США не хотели отставать от других держав в попытках навязать Чили и Перу свои «добрые услуги». Они придавали важное значение соперничеству с Англией и Францией в этом деле, рассчитывая в случае успеха поднять свой престиж и обеспе-

⁴³ «Peru, Secretario de relaciones exteriores. Correspondencia diplomatica relativa a la cuestión española». Lima. 1867, pp. 62—63.

чить на будущее выгодные позиции для экономической экспансии в южноамериканских странах. Однако чилийское правительство особенно настойчиво относилось ко всем шагам именно со стороны США. Было время, еще в начальный период испанской интервенции, когда общественные круги Чили питали надежду на то, что победа Севера в гражданской войне с Югом положит конец агрессивным вылазкам США против латиноамериканских государств, предпринимавшимся ранее в интересах рабовладельцев Юга, и что это откроет путь к сотрудничеству и дружбе⁴⁴. Надежда не оправдалась: после гражданской войны Вашингтон продолжал вести политику, которая не сулила ничего хорошего Латинской Америке. Что касается Чили, то новая администрация США начала с предъявления ему, как раз в критический момент борьбы с испанской интервенцией, ряда крупных денежных претензий, основанных на исках частных американских коммерсантов и судовладельцев. Вашингтон уклонился не только от материальной помощи, но и от политической поддержки Чили в период испанской интервенции⁴⁵.

Чтобы привлечь общественное мнение США на сторону Чили, чилийское правительство в октябре 1865 г. направило в Вашингтон своим конфиденциальным агентом Бенхамина Видукуна Маккенну, члена парламента, известного публициста и общественного деятеля. Одновременно на него была возложена задача приобрести военные корабли и оружие. Как писал позднее Видукуна о поездке в США, он был поражен, встретив полное безразличие официального Вашингтона к делу Чили. Вашингтон, по заключению чилийского эmissара, выступал скорее сторонником Испании. Государственный секретарь Сьюард, поддерживавший тесные дружественные связи с посланником Испании Габриэлем Тассара и «не скрывавший своего преклонения перед коронованными особами Европы», не проявил никакого интереса к положению южноамериканцев, а заботился лишь о том, чтобы не возникли трудности в отношениях с Испанией. Как ни старался Видукуна убедить Сьюарда в необходимости оказать помощь Чили, он не добился разрешения ни на покупку судов, ни на получение кредитов. Более того, после ряда выступлений в печати и на общественных митингах он, несмотря на дипломатический иммунитет, был арестован американскими властями по обвинению в нарушении закона о нейтралитете и должен был покинуть США. «Доктрина Монро,— писал после этой поездки чилийский деятель,— всего лишь уловка с целью завоевать престиж среди слабых наций Америки... Чили надеялось на помощь от своего большого брата, но, будучи нейтральным, тот в действительности помогал Испании, которая не нуждалась в помощи, тогда как Чили нуждалось во всем»⁴⁶.

Ко времени возвращения Нуньеса в Вальпараисо из безуспешной экспедиции в район Чилоэ в чилийских водах появилась американская военная эскадра в составе шести кораблей, один из которых, монитор «Монаднок», превосходил по своей боевой характеристике испанские суда. Командовал эскадрой капитан Роджерс. Он вместе со вновь назначенным посланником США в Сант-Яго генералом Килпатриком занялся посредничеством между воюющими сторонами. Однако все предложения, сделанные американскими представителями, являлись лишь модификацией испанских требований, и чилийское правительство должно было отклонить их. К тому же эти предложения совершенно игнорировали Перу и других союзников Чили, без участия которых оно не могло вступать в переговоры об урегулировании конфликта.

Мадрид тем временем торопил своего командующего, и Нуньес

⁴⁴ H. C. Evans. Chile and its Relations with the United States. Durham. 1927, pp. 85—89.

⁴⁵ «New York Times», 30. XI. 1865.

⁴⁶ B. Vicuña McKenna. Diez meses de misión a los Estados Unidos de Notre America como agente confidencial de Chile. Vol. II. Santiago. 1867, p. 211.

27 марта объявил, что через четыре дня испанская эскадра осуществит бомбардировку Вальпараисо, если его требования не будут приняты правительством Чили. Находившиеся в порту американская и английская эскадры были в состоянии, как это подтверждал Роджерс⁴⁷, предотвратить бомбардировку города, так как они превосходили силой испанскую эскадру. Для защиты города чилийцы могли построить береговые укрепления, установить батареи, наконец, использовать против испанских кораблей появившиеся тогда у них торпеды, но они отказались от всего этого по настоянию американцев и англичан, которые заявили, что подобные меры чилийской стороны послужат испанцам в качестве предлога для осуществления их угроз и лишат американских и английских представителей возможности вмешаться и предотвратить бомбардировку Вальпараисо. Чилийцы решили, что это позволяет им надеяться на помощь обеих держав. «Естественно было предположить,—отмечал позднее министр иностранных дел Чили,—что Соединенные Штаты и Англия предупредят осуществление акта столь бесполезного варварства, грозившего потерями многим английским подданным и североамериканским гражданам»⁴⁸. Но английский и американский командующие предпочли ретироваться: «Все, что они сделали,— это отвод своих эскадр в другое место так, чтобы ускорить бомбардировку Вальпараисо». Роджерс заранее уведомил Нуньеса о выходе из игры. Он заявил испанцу: «Когда первоначально я занялся этим делом, то считал, что у Испании нет оснований (для бомбардировки.— В. П.) и что мне следует в этом случае употребить силу для защиты интересов нейтралов. Теперь я понимаю, что чилийцы ведут себя, как глупые и невоспитанные дети»⁴⁹. Нуньес утверждал, что США вообще выразили согласие с позицией испанского командования⁵⁰.

В 8 часов утра 31 марта американская и английская эскадры покинули Вальпараисо, а через час испанские корабли открыли огонь по беззащитному городу. Бомбардировка продолжалась в течение двух часов. Испанцы выпустили более 2 тыс. снарядов. Были уничтожены или повреждены многие портовые сооружения, склады, служебные и жилые помещения. Материальный ущерб, причиненный городу в результате бомбардировки, по данным посланника США в Чили, составлял приблизительно 15 млн. долларов⁵¹. Эхо морской канонады в Вальпараисо прокатилось по всей Латинской Америке и далеко за ее пределами, вызывая повсюду возмущение тупой жестокостью и вандализмом обанкротившихся интервентов. В Чили и других странах отмечалось одновременно резкое усиление настроений против США. Посланник США в Сант-Яго в донесениях своему правительству отмечал: «Сердечность, которая долгое время существовала между народом Чили и нашей страной, нарушена, а ее место заняла холодная вежливость, если не откровенное недоброжелательство. Много причин привело к такому положению. Прежде всего мы создали у Чили впечатление, что оно рано или поздно получит помощь от США... Когда американская эскадра вышла из бухты Вальпараисо и позволила испанскому флоту подвергнуть обстрелу часть этого города, народ Чили почувствовал, как зло он обманут». Посланник констатировал: «У многих чилийцев сложилось мнение, что Соединенные Штаты проявили значительно больше действительной дружбы и симпатии к Испании и ее делу, нежели к Чили»⁵². Накал подобных настроений был настолько велик, что чилийское правительство приняло решение об отзыве своего посланника

⁴⁷ «New York Times», 3.V.1866.

⁴⁸ HRED, p. 422.

⁴⁹ J. E. Bello. Op. cit., p. 148.

⁵⁰ HRED, pp. 415—416.

⁵¹ Ibid., p. 388.

⁵² HRED, pp. 408, 417.

из Вашингтона. Североамериканцам пришлось специально обращаться к чилийскому правительству с заверениями в «беспристрастности»⁵³.

Через две недели после бомбардировки Вальпараисо испанская эскадра покинула Чили. В конце апреля она появилась у берегов Перу. Нуньес сразу же объявил блокаду порта Кальяо. Ему, однако, не удалось застать врасплох перуанцев, принявших необходимые меры к обороне. В Кальяо заблаговременно провели большие фортификационные работы. Береговые укрепления снабдили закупленной за границей артиллерией, превосходившей вооружение испанских кораблей. Подготовкой Кальяо к обороне руководили лично президент Прадо и военный министр Гальвес. Перуанское правительство твердо заявило, что до тех пор, пока флот интервентов не уйдет из Южной Америки, оно не вступит с Испанией в переговоры⁵⁴.

2 мая испанская эскадра подошла к Кальяо и открыла огонь. Ей ответила перуанская артиллерия. В операции участвовали семь испанских кораблей, имевших на вооружении 250 пушек. Оборона перуанцев располагала 57 орудиями, которые были установлены на башнях фортов и вдоль берега, а также на нескольких маленьких судах, укрывшихся в заблокированном порту⁵⁵. Бой продолжался четыре с половиной часа. Командующий испанской эскадрой был тяжело ранен, число убитых и раненых с испанской стороны превысило 300 человек. Большинство кораблей эскадры получило сильные повреждения. Потери перуанцев составляли около 200 человек⁵⁶. Повреждения в порту были сравнительно невелики⁵⁷. Испанская эскадра была вынуждена первой прекратить огонь и отойти основательно побитой. Вскоре, отремонтировав наспех корабли, испанцы отправились восвояси.

Так закончилась последняя вооруженная интервенция Испании в Южной Америке. «Победа Перу была блестящей и полной. Результаты этого сражения окажут очень сильное влияние на южноамериканскую политику», — сообщал в Вашингтон посланник США в Лиме⁵⁸. 2 мая было объявлено перуанцами днем национального праздника. Он и поныне отмечается в Перу и других странах — участниках войны против Испании как день окончательной победы южноамериканских республик над бывшей метрополией. Мужественное сопротивление и твердость южноамериканцев сорвали планы интервентов. Испания потерпела поражение, которое привело к дальнейшему падению ее престижа и ослаблению ее международных позиций. Вместе с тем война помогла южноамериканцам лучше разглядеть истинное лицо США, претендовавших на роль «старшего брата», а на деле ведших двойную игру и объективно содействовавших агрессору в его попытках расправиться с молодыми государствами Южной Америки. Надежда на помощь и поддержку США, посеянная некогда пропагандой пресловутой «доктрины Монро», не оправдалась. Лишь благодаря объединению своих усилий южноамериканские республики оказались в состоянии успешно противостоять натиску интервентов. Необходимость сотрудничества и взаимопомощи в борьбе против общего врага — вот главный урок, который преподала южноамериканцам эта война. Многие нынешние бедствия народов Южной Америки, оказавшихся под экономической, а порой и политической пятой американского империализма, снова и снова напоминают о непреходящем значении этого урока исторического прошлого.

⁵³ «Peru, Secretario de relaciones exteriores. Correspondencia diplomatica relativa a la cuestión española», p. 316; HRED, pp. 413—414.

⁵⁴ «Peru, Secretario de relaciones exteriores. Correspondencia diplomatica...», pp. 289—290.

⁵⁵ C. R. Marckham. Op. cit., pp. 316—362.

⁵⁶ W. C. Davis. Op. cit., p. 318. (Различными исследователями приводятся противоречивые цифровые данные.)

⁵⁷ HRED, p. 641.

⁵⁸ Ibid., p. 640.